

И он изо всей силы ударил меня кулаком в лицо...

Когда я пришла в себя, мой платок был весь в крови. Меня вывели в коридор:

— Сиди здесь, жди своего сынка!

Коридор был закопченный, грязный, холодный и еле освещен. Я слышала стоны и крики избиваемых. Думала: «Кто это кричит? Не наши ли?»

Вдруг в комнате у следователей громко заиграл патефон. Чтоб не слышны были крики, немцы заглушали их веселой музыкой. Сердце мое превратилось в кусок угля...

Я видела, как провели Ваню Земнухова и Улю Громову, и чуть не закричала — настолько они были оба избиты. Как я пожалела, что сидела в углу и они не могли меня видеть!

Потом провели других. Еще и еще. Люди уходили от следователя с черными от кровоподтеков и синяков лицами. Вводили других. И опять крики, стоны, глухие удары...

Выпустили меня только утром. Кулишев — от него пахло водкой — сказал мне:

— Даю тебе три дня, чтобы ты разыскала и привела сюда сына. Иначе — пуля. Иди!

Я еле дошла домой. А там уже сидели двое полицейских, поджидали сына.

Олег, где ты?

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Ох, какие это были страшные дни и ночи!

Мы молча сидели под окном, выглядывали на улицу, не спали ночами, прислушивались к малейшему шороху, вздрагивали, когда нам чудились чьи-то шаги около дома. Вдруг постучит в окно Олег, голодный, замерзший, а к нему вместо матери выйдет полицейский...